

Анна Агнич. Послесловие после слов

Анна Агнич. Фото Анны Голицыной

Самое невыносимое, самое надсадное, что мне приходилось делать в жизни, это писать об ушедшем друге. На похоронах, когда ты пришёл выполнить последнее, что требует от человека дружба — ты не один: ты вместе с другими скорбящими. Да и родные ушедшего — они тоже ведь там, рядом, и их страдание больше твоего. Впрочем, каждое страдание индивидуально и не поддаётся сравнению, и гамлетовское *«сорок тысяч братьев, свою любовь слагая, мой итог набрать бы не могли»* — это условная «арифметика», призванная, скорее, показать невозможность такой калькуляции в принципе. Но вот проходит время, и ты остаёшься один на один с пустотой, оставленной тебе уходом друга, осознаёшь её. А потом решаешься написать о друге, и это невыносимое, надсадное дело поглощает тебя, изводит, мучает. Зачем это тогда делать? Затем, видимо, что человеческая память хранит ушедшего, не даёт ему уйти окончательно. Там, в воспоминаниях — человек жив. И это желание хоть на время оживить друга — оно заставляет делать тебя невыносимое: писать о нём.

Я хочу оживить Анну Агнич. Я не могу это сделать «навсегда», но я могу дать моей памяти возможность оживить её на время написания этого текста, а всякому читающему этот текст оживить её вместе со мной на время прочтения, даже если читающий не знал Анну.

Клуб «Бостонские чтения». В гостях — поэт и переводчик Павел Грушко (справа). Слева — сын Дмитрий. Фото Анны Голицыной

Начало

Я познакомился с Анной Агнич в 2011 году. Точнее, начал с ней переписываться. Мы тогда публиковали свои литературные опыты на портале Литсовет. Анна была одним из авторов, заинтересовавших меня своей прозой. Точнее, не «одним из», а, пожалуй, единственным автором, который заинтересовал меня настолько, что я обратился к ней с просьбой разрешить мне написать рецензию на какой-нибудь из её рассказов.

Сейчас, когда я смотрю на наши короткие записки в «личке» Литсовета в мае 2011 года, я не могу без улыбки отметить изящество нашей переписки. Если не знать, когда происходит этот виртуальный разговор, легко можно решить, что это пример эпистолярного жанра (причём, довольно формального) конца XIX века. У меня нет объяснения этой странной стилистике наших первых писем, но я думаю, что это связано скорее с характером Анны, чем с моим. Анна, внешне невероятно общительный и открытый человек, на самом деле не очень легко подпускала к себе новых друзей. Завоевать её доверие и духовную близость было непросто. И — настоящий литератор, писатель во всём — она охраняла своё пространство (как сказал бы психолог) самым сильным своим оружием — словом.

В январе 2012 года я написал и опубликовал рецензию «Две реальности художника Сироты» на рассказ Анны Агнич «Натюрморт с селёдкой и без».

Рецензия понравилась Анне и получила довольно большой читательский отклик в Литсовете. После этой рецензии наши с Аней отношения перешли в дру-

гую стадию: Аня стала мне больше доверять, и я тоже всё больше и больше начал доверять её вкусу, её оценке моих текстов. Этот приятный для нас обоих факт и относительная территориальная близость (мы жили в полутора часах езды друг от друга) натолкнула нас на мысль о возможности более близкой, более тесной дружбы. И где-то в апреле 2012 года мы все вместе вчетвером — две семейные пары — встретились в парке Уэллсли Колледжа, того самого университета, в котором когда-то давно преподавал Набоков.

Я прекрасно помню эту встречу. Мы приехали чуть раньше и запарковались в назначенном месте. И почти мгновенно рядом с нами запарковалась машина, в которой были Аня и Саша. Через десять минут мы все перешли на «ты». Через двадцать минут, где-то на берегу озера, где летом гоняют русских старушек за то, что они переодевают своих ошалевших (уже американских) внуков, обернув их кое-как полотенцем, мы впервые заговорили о клубе. О не существовавшем на тот момент клубе «Бостонские чтения», которому ещё только суждено было появиться.

Мария и Марфа

Не знаю, кто первый из нас вспомнил евангельских Марию и Марфу, но прекрасно помню, что они появились уже в эту первую встречу, и потом многократно «всплывали» в нашем общении.

Мария и Марфа — две сестры Лазаря, в доме которых остановился Иисус. Роль женщины в те далёкие времена сводилась к заботе о хозяйстве. Естественно, что приход в дом Иисуса (который, разумеется, пришел не один, а с учениками и последователями) требовал от хозяек быстрых и решительных действий по приготовлению праздничного стола. Но пока Марфа чистила рыбу, пекла хлеб, метала на стол разные яства, Мария, усевшись у ног Иисуса, слушала его слова и ничего другого не делала. Такое положение вещей не понравилось Марфе, и она обратилась к Иисусу: «Скажи ей, чтобы помогла мне». Но Иисус вежливо объяснил Марфе, что каждый в этой жизни занимается своим делом, и дело Марии — быть сейчас вместе с Учителем и учениками.

Эта притча из Евангелия от Луки возникла в шутку: я признался Анне, что не умею быть Марфой. Вся «история моей жизни» заключается в том, что я могу что-то придумать, предложить, посоветовать, поддержать. Но не могу ничего организовать. Так было в Питере с проектом «Митьки-газеты», в котором я принял участие «в роли Марии», а абсолютно всю работу по созданию газеты сделал Юрий Молодковец — неутомимая «Марфа» этого проекта. Так через несколько лет после этого разговора на озере было и с журналом «Этажи», в котором с ролью «Марфы» прекрасно справилась и справляется до сих пор Ирина Терра. В этом разговоре на озере я сразу же предупредил Анну, что, если она задумала делать клуб и хочет, чтобы я участвовал в его создании, ей придётся стать Марфой, потому что роль Марии уже занята мной с рождения. И Анна согласилась.

Вторая наша встреча состоялась через пару недель в парке De Cordova, в котором когда-то стоял великолепный Totem America великого бостонского ленинградца, скульптора Константина Симуна (автора дорогого каждому ленинградцу «Разорванного кольца»).

На этой встрече мы уже более детально обсуждали идею клуба. А после встречи, если мне не изменяет память, поехали домой к Ане и Саше, где я впервые увидел знаменитый подвал, который совсем скоро станет помещением клуба. Подвал требовал серьёзного ремонта, и сыновья Ани — Дима и Женя — выразили готовность помочь превратить его в клуб. И это было началом «Бостонских чтений».

Воздушные шарик в комнате

Судя по социальным сетям, в России уже давно существует устойчивый стереотип о живущих в Америке эмигрантах из бывшего СССР. Согласно этому стереотипу, все эмигранты — самовлюблённые и малограмотные «брайтонцы», карикатурные персонажи анекдотов. На самом деле русскоязычная американская «комьюнити» (как тут говорят) довольно разнообразна, и даже в среде людей интеллигентных, творческих, ярких нет единой общности. Эмигранты, как и люди, живущие в метрополии, разные. Они (мы) все из разных культурных слоёв, люди с разными политическими убеждениями, вкусами, интересами. Эмигранты, как и все остальные люди на земле, держатся своими группами, общаются с теми, кто им ближе по духу и не общаются с теми, кто им неинтересен.

В самом начале обсуждения работы клуба возник образ воздушных шариков в пустой комнате. В пустой комнате летают два десятка разноцветных воздушных шариков. Они рядом, они соприкасаются друг с другом, но каждый шарик сам по себе. Это наш русский литературный Бостон: много разных групп интересных людей, каждая из которых как бы в своей оболочке, внутри шарика. Этот образ мы обсуждали с Анной. Как было бы хорошо, если бы удалось попытаться собрать всех этих людей вместе. Дать им возможность, выйдя из «оболочки» своей небольшой группы, оказаться вместе: пусть только раз в два-три месяца, но вместе. Чтобы послушать стихи и прозу, поговорить о литературе и жизни спокойно, никуда не спеша.

Но как это сделать?

Ещё один важный вопрос, который обсуждался сразу, — это возможность «открытого микрофона». Можно ли предоставлять возможность читать свои тексты «кому угодно»? Или только «приглашённый автор» может рассчитывать на внимание слушателей? С одной стороны, «открытый микрофон» — стандартная практика любого литературного клуба. Но, с другой стороны, есть люди с весьма странным ощущением самоцензуры. Что если человек, написавший совсем ужасный текст, получит доступ к микрофону? После долгих обсуждений «утвердили»

структуру, в которой было два отделения: в первом выступал «приглашённый» автор, а во втором был «открытый микрофон». И сразу же договорились, что все выступления будут бесплатными, то есть никакой платы за вход: если кто-то хочет принести бутылку вина или фрукты, то это приветствуется. Но никаких билетов и кассиров у входа.

Признаюсь, у меня были сомнения. Немного «покрутившись» в бостонских русских литературных кругах, я знал, какую непростую задачу поставила перед собой Анна. Видимо, я ещё недостаточно тогда понимал деловой уровень и силу её человеческого обаяния. Не знал я тогда и о том, какую колоссальную поддержку получит Аня от своей семьи. Это был действительно удивительный семейный проект Ани, Саши и их сыновей.

Я не хочу сейчас писать историю «Бостонских чтений» (тем более, что моё участие в создании клуба закончилось на стадии обсуждений и дальше всё делала Аня с семьёй). Думаю, что это огромное явление в истории литературы русского Бостона, и, кто знает, может быть когда-нибудь кто-нибудь и напишет об этом книгу или даже защитит на эту тему диссертацию... Скажу только, что трудно себе представить более успешный проект. Одно только перечисление авторов, выступивших за эти короткие несколько лет в клубе, займёт несколько страниц.

В городе появилось место, в котором было престижно выступить не только местному литератору, но и «заезжей знаменитости». В городе появилось место, где можно было посмотреть интересную выставку картин или фотографий, послушать авторов и обсудить услышанное, почитать новый текст и получить реакцию на него слушателей.

Анне удалось создать общее пространство людей, объединённых любовью к слову.

Даже тогда, когда все начали ссориться друг с другом из-за политических событий в мире и в стране, Анне удалось сохранить это ощущение единства (в клубе было категорически запрещено говорить о политике), которое строго поддерживалось всеми «враждующими» сторонами. Никто не решился нарушить это удивительное равновесие из уважения к той редкой атмосфере, которую удалось создать хозяйке.

Первое «заседание» клуба должно было состояться 9 февраля 2013 года. И открывать клуб должен был Владимир Гандельсман. Но сильнейший снегопад сделал приезд Гандельсмана из Нью-Йорка в Бостон невозможным. Вечер отменили.

Потом был назначен вечер Леопольда Эпштейна, но поэт не смог участвовать в вечере из-за случившейся почти накануне горькой утраты — смерти матери...

Так распорядилась судьба, что открывал клуб я. И я (вместе с прекрасным поэтом Ритой Александрович) «закрывал» клуб, наше с Ритой выступление было последним вечером с «приглашёнными» авторами...

Самый последний вечер был Анин. На этом вечере она рассказала гостям клуба ненаписанную реальную историю нескольких еврейских семей, укрывавшихся от нацистов в украинских пещерах. Потом, по просьбам тех, кто не смог приехать на этот вечер, рассказ был повторён в другом помещении при полном аншлаге. Это было последнее появление и последнее выступление Анны Агнич перед слушателями...

Было бы абсолютно несправедливо, говоря об Анне, написать только о клубе (хотя одного только клуба уже достаточно, чтобы никогда её не забыть). Аня была исключительным прозаиком. Ей удавалось создавать совершенно живые рассказы, в которых герои жили как бы уже своей жизнью. У Анны вышло две книги рассказов. Одна — маленькая, «эксклюзивная», только для друзей. Вторая — более полная — «Девочка в окне».

Обе книжки вышли с моим послесловием...

Рассказ за рассказом Анна раскрывалась передо мной как удивительно тонкий и умный прозаик. «Стеклянный лепесток», «Ластик», «Натюрморт с селёдкой и без», «Ночная почта», «Гамбит с вулканом», «Дровяная печь»... Каждый из этих рассказов приносил что-то своё, новое, одновременно добавляя что-то к уже написанным рассказам. «За стеклянной стеной», «Мессендорф», «Глостер». Помню, с какой жадностью я читал каждый из них. С какой благодарностью.

Анна хотела написать большой роман, но не успела...

Абсолютно все мои стихи, вся моя проза проходили «обкатку» обсуждениями с Аней.

Помню, как я «заставлял» Аню читать все бесконечные «итерации» моей последней повести. Прекрасный писатель Анна Агнич была ещё и умным, терпеливым и вдумчивым читателем. Мы обсуждали с ней мои тексты, и я всегда удивлялся глубине её интерпретации, понимания и наблюдательности. Те советы, которые давала мне Аня, иначе как бесценными я не смогу назвать.

Друг

Всего каких-то три года назад, летом, в мой обеденный перерыв ко мне в финансовый центр Бостона приехали сразу несколько гостей: Аня с Сашей, брат Ани — Валерий Рогожников (или Яныч, как его называют в семье) и Ирина Терра. Прямо рядом с моей работой находился изысканный бостонский Norman V. Leventhal парк. На ухоженном газоне этого парка, сняв обувь, галстуки, деловые пиджаки, всегда отдыхают юноши и девушки — те, кого несправедливо называют «офисным планктоном». Прекрасная длинная галерея, увитая какими-то вьющимися растениями, выводит к довольно живописному фонтану с псевдо-классической ротондой в центре. Замечательный, уютный уголок Бостона.

Мы сделали много фотографий, как будто каждый из нас хотел запечатлеть этот момент, остаться в нём навсегда. Это был последний раз, когда мы были все

вместе в таком составе. Станным образом жизнь у каждого из нас изменилась с этой последней встречи. Да, всё переменялось с тех пор...

В последние полгода жизни Ани мы много говорили по телефону. Сначала, когда я умудрился загнать сам себя в тиски сомнений и душевного раздора, Аня оказалась великим утешителем. Потом, когда ей было уже самой тяжело кого-то утешать, мы просто говорили о литературе, о жизни, о чём угодно, кроме её болезни.

Аня умела утешать! Эта была ещё одна её сторона, о которой я не знал. Настоящий друг, она потрясающе умела слушать. И, выслушав, давала грандиозно спасительный совет. Анна прекрасно знала религиозные тексты и великолепно ими оперировала. В этом не было никакой набожности или попытки «проповеди». Просто часто её примеры из религиозных текстов давали мне правильную перспективу для понимания сегодняшних моих неурядиц. Была в ней и какая-то чисто женская доброта и мудрость, которыми обладали многие женщины, упоминаемые в Ветхом и Новом Завете. Эта (почти библейская) мудрость, эти отсылки к религиозным текстам, эти разговоры с человеком, в сущности, уже готовым к уходу, были для меня чем-то, что я пока не смогу определить. Сила воздействия этих бесед была исключительной и невероятно важной для меня...

В последние месяцы Анне было очень тяжело. Трудные процедуры выматывали её. Было бы просто некрасиво в такой ситуации говорить о своих неурядицах. Да и сами неурядицы (во многом именно благодаря советам Ани) перестали меня изводить. Мы говорили о литературе, которой Анна служила всей своей душой. Пытались определить, что есть поэзия (совершенно невозможные попытки, но сами обсуждения этой темы были захватывающе интересны). Или вот обсуждали вопрос, чем отличается рассказ от повести. Аня хотела, чтобы я ей звонил, и её неизменное радостное «аллё», с ударением на обе гласные, было для меня счастьем.

Анна попросила меня почти сразу после того, как был поставлен диагноз, не говорить с ней о болезни. И мы не говорили. Как будто болезни и не было. Но она была. Смерть, о которой не упоминалось ни разу, ждала где-то рядом. Это было понятно и непонятно одновременно. Это было неизбежно...

Когда Анна уже не могла разговаривать, мы переписывались короткими сообщениями. Последнее из них я получил за неделю до того, как её не стало.

Инициалы А.А.

Хоронили Аню в тихом северном городке Новой Англии. Маленькое еврейское кладбище у дороги со стандартным для Америки названием Main Street. Проститься с Анной Агнич пришли очень многие, для всех нас она стала родным и близким человеком, хозяйкой знаменитого клуба «Бостонские чтения», писателем, просто другом.

Анна Агнич. На втором плане — Игорь Курас. Фото Анны Голицыной

После похорон в Анином доме тоже было много людей. Я всё время думал, что увижу её, так непривычно было в этом доме без Ани.

Аня была садовницей. У неё был садик и огород. Помню, как она подарила мне большую коробку с рассадой земляники. Земляника прижилась около моего дома и до сих пор там растёт. Выращивала Аня и всякие травы, которые потом высушивались и добавлялись в чай.

Анны не было. В доме было много людей, но не было Анны. А стеклянные баночки с травами и их названиями, выведенными аккуратным шрифтом на самодельных этикетках, остались. «Здесь всё меня переживёт», написала другая женщина с теми же инициалами А.А. Я вспоминал эти строчки, через слёзы разглядывая полку с баночками и Анину книжку «Девочка в окне», лежащую рядом.

«Может ли быть у жизни счастливый конец?» — таким был эпиграф к одному из рассказов Анны.

Кто знает, может быть самое важное в жизни — это когда человека переживает многое, что напоминает о нём после смерти, остаётся после него, живёт уже своей жизнью?

Я никогда, наверное, не узнаю ответ на этот вопрос.

Игорь Джерри Курас — поэт и прозаик, редактор отдела поэзии в литературно-художественном журнале «Этажи». Родился в Ленинграде, с 1993 года живёт и работает в Бостоне. Автор пяти поэтических сборников «Камни/Обертки», «Загадка природы», «Не бойся ничего», «Ключ от небоскрёба», «Арка», книги сказок для взрослых «Сказки Штопмана» и книги для детей «Этот страшный интернет». Лауреат премии литературного журнала «Сура» в номинации «Поэзия» за 2019 год.